

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ЧЕЛЯБИНСКА В ПОЭЗИИ ЯНИСА ГРАНТСА**Е. А. Смышляев***Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация*

В данной статье рассматриваются основные способы мифологизации Челябинска в поэзии современного южноуральского автора – Яниса Грантса. Осмысление пространственных структур в поэзии Я. Грантса тесным образом связано с локальным мифом и автобиографическим мифом. Целью мифологизации пространства является осмысление локуса, его «обживание» и сакрализация. Локальный челябинский миф в поэзии Яниса Грантса тесно связан с авторским «я» и геобиографиями его современников-земляков. Автор зачастую использует фигуры реальных современных уральских поэтов (С. Арешин, Д. Машарьгин, Е. Оболишшта и др.) в качестве лирических субъектов, тем самым углубляя структуру мифа в своих произведениях, делая их более реалистичными, играя с достоверностью высказывания. Жизнетворческие интенции Яниса Грантса, выражающиеся в игровой мифологизации своего прошлого и двойническом литературном поведении, во многом соотносятся с традицией ОБЭРИУтов. Обращение Яниса Грантса к абсурду является важной особенностью поэтики автора. Использование абсурдистских приемов и способов построения текста служит основой для мифологизации Челябинска и изображения города как ирреального, абсурдного. С помощью абсурдистских приемов и эстетики Янис Грантс демонстрирует двойственную и противоречивую природу локуса, внебътийственность и хаос челябинского пространства.

Ключевые слова: локальный миф, мифологизация пространства, региональная поэзия, современная уральская поэзия, мифологема, автобиографический миф.

Введение

Янис Грантс родился 1 февраля 1968 года во Владивостоке. В связи с военной службой отца жил в Советской Гавани, Ленинграде, Кирове. Учился на историческом факультете Киевского государственного университета. Служил срочную службу на большом десантном корабле Северного Флота. После службы остался в Заполярье и работал на торговых, рыболовецких судах, буксирах, приписанных к Мурманску и Архангельску. В Челябинске Я. Грантс живет с 2002 года.

Несмотря на большое количество городов, в которых побывал поэт (Владивосток, Мурманск, Киев и т. д.), большинство текстов относятся к челябинскому пространству и маркируются челябинскими топонимами и пространственными образами. В одном из своих интервью, на вопрос «Считаете ли Вы себя челябинским поэтом?» Янис Грантс ответил: «Местный колорит в моих стихах постоянно присутствует. Даже говоря о названиях объектов и улиц: “На углу Руставели-Гагарина”, или “На Станкомаше выходит, шурша”, или “Под кондитерский цех гримируется ЧМК”, или “Ты в офисе на Кривой, я сахар грузу, кривой”. Ну и потом, посвящения местным людям, поэтам. И городской колорит, и заселенность людьми в этих стихах – все это челябинское» [1]. Главным в стихах Я. Грантса является не столько отнесение себя как автора к какому бы то ни было региону, стране, а переработка, осмысление и перекодирование знаков того пространства, в котором он находится: «Я считаю, что корни моих стихов не в Латвии, не в детстве, не на Украине. Тональность моих стихов я почерпнул в Мурманске, их произрастание – оттуда. Скучные рифмы, отсутствие цветастых метафор, стремление предложения закончиться на первом же слове, тревожный фон, повторы – все это родом оттуда, с Севера. Но мои стихи – об Урале. Мои герои рождаются и умирают здесь» [2].

Восприятие места (Челябинска) как «своего» и ощущение «близости по духу» с уральскими поэтами способствовало достаточной быстрой интеграции поэта в литературный процесс региона. Уже в 2007 году в свет вышла книга стихотворений Яниса Грантса «Мужчина репродуктивного возраста», а в 2008 году он стал лауреатом «Независимой поэтической премии П». Публиковал стихи и прозу в журналах «Знамя», «Урал», «Волга», «День и ночь», «Крещатик» и других, является автором книги поэм и стихотворений детского сборника «Стихи на вырост» (совместно с Дмитрием Сиротинным, Челябинск, 2011) и книги стихов «Бумень. Кажницы. Номага» (Челябинск, 2012).

Обзор литературы

Прежде чем перейти к непосредственному анализу способов и приемов мифологизации Челябинска в поэзии Яниса Грантса, раскроем основные терминологические дефиниции и опишем ключевые исследования, на которые был сделан упор при написании данной статьи. Терминологические дефиниции «мифологизация», «мифологема», «мифопоэтика», «неомифологизм» и т. д. у разных исследователей имеют разное смысловое наполнение, но сводятся к общей сути – наличию множества форм проявления мифа в художественной литературе. В исследованиях таких ученых, как В. Н. Топоров, Ю. М. Лотман, Е. М. Мелетинский, Е. Фарыно, А. Ф. Лосев, под *мифологизацией* понимается включение в художественный текст мифологических элементов (героев, мотивов, мифологем), использование мифологических композиций и хронотопа). В. Н. Топоров в своем исследовании «Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического» понимает *мифологизацию* как «...создание наиболее семантически богатых, энергетичных и имеющих силу примера образов действительности» [3, с. 5]. В современном лите-

ратуроведении под *мифологемой* понимается устойчивая мифологическая тема, мотив или образ, заимствованный из мифологии. Мифологема может быть традиционной или созданной в результате мифотворчества, появившейся при создании неомифа. Термин *неомифологизм* вводится Е. М. Мелетинским для идентификации ремифологизации культуры и литературы, продолжающейся в XX веке. Е. М. Мелетинский указал на «...сознательное совершенно неформальное, нетрадиционное использование мифа (не формы, а его духа), порой приобретающее характер самостоятельного поэтического мифотворчества» [4, с. 215], таким образом, неомифологизм предстает как трансформация, метаморфоза, разыгрывание классического мифа в новом месте и времени.

Под *локальным мифом*, опираясь на исследования локального текста Петербурга В. Н. Топорова и метагеографические исследования культуролога Д. Н. Замятина, мы понимаем систему специфических устойчивых нарративов, распространенных на определенной территории, «...характерных для соответствующих локальных и региональных сообществ и достаточно регулярно воспроизводимых ими как для внутренних социокультурных потребностей, так и в ходе целенаправленных репрезентаций, адресованных внешнему миру» [5, с. 16]. Таким образом, локальный миф представляет собой «откровение» (Д. Н. Замятин) места или территории: «...он (прим. ред. – локальный миф) есть открытие места миру в его онтологической возможности, и в то же время он позволяет утверждать локусу как центру мира» [5, с. 17]. Локальный миф является «...необходимым условием для возникновения локального текста» [6, с. 211]. Пространство наряду с исторической, культурной, социальной и любой иной значимостью обладает также и мифологическим, символическим смыслом, переживается современными челябинскими поэтами как мифологизированное образование.

Мифологизация городского пространства является характерной особенностью поэзии авторов Челябинска. Размышления человека о месте его существования напрямую связаны с понятием мифа, сакральным пространством. Как отмечает в своей монографии культуролог Д. Н. Замятин, «...сакральное пространство и его “первоточка” так или иначе связаны с реальным географическим пространством, а эта связь требует адекватного ей выражения» [7, с. 17]. Мифы как субстрат духовно-культурной сферы локального текста играют важную роль в формировании атмосферы повышенной семантической пространства современной челябинской поэзии. Мифологизация пространства Челябинска в поэзии рассматривается нами в качестве ключевого элемента духовно-культурной сферы локального текста.

В. В. Блажес в своих исследованиях расширил представление о геопозитике региона и своеобразии уральской мифопоэтики и фольклора («Русские народные сказки Урала» (2001), «Фольклор Урала: На-

родная история о Ермаке», «Черты башкирской мифологии X века» (2010)). Так, например, в статье «Мифология города Екатеринбурга» ученый размышляет об истоках уральской мифологии, о семантике имени города. По его мнению, вполне закономерным является то, что, приехав в XVII в. на Урал поселенцы начали обживать и осмыслять это природное пространство посредством мифа, «...чтобы чужая территория стала малой родиной, вообще родиной, отечеством» [8, с. 414]. Говоря про семантику и «энергетику» имени города, В. В. Блажес проводит аналогию с Петербургом. Если Петербург был окном в Европу, то Екатеринбург – окном в Азию: «В XXI веке энергетика имени сохраняет свою силу. Например, сейчас привлекает “рифмующаяся” симметрия: если новая столица, выдвинутая на западную границу государства, носит имя Петра, то и столица горного края на востоке России должна была носить имя жены царя» [8, с. 435]. Данное исследование помогает осмыслить мифопредставления современных авторов, корни неомифологии уральского локуса.

Большое количество статей Е. К. Созиной посвящено региональной проблематике, уральской мифопоэтике и поэтике городского пространства («“Мифография” Биармии в художественном и массовом сознании XX века» (2014), «Уральский текст в литературе региона 1800–1820-х гг.» (2008), «Поэты Урала “переходной эпохи” рубежа XVIII–XIX вв.» (2006) и др.). В статье «“Екатеринбургский текст” Натальи Смирновой» (2005) через анализ пространственных образов и авторской мифопоэтики города в прозе Н. Смирновой исследователь приходит к выводу о том, что «...о Екатеринбурге создается пространственный мифотекст – и влетает наш город в общемировую топосферу русской литературы» [9].

Методы исследования

Методология статьи основана на комплексном подходе, обеспечивающем широту охвата и глубину анализа эмпирического материала. Методологические принципы исследования базируются на исследованиях семиотики географического пространства (Р. Барт, Ю. Лотман, В. Топоров); феномена локального / городского текста (В. Абашев, Р. Барт, Мишель де Серто, В. Топоров); теории мифа (Р. Барт, Ю. Лотман, М. Элиаде).

Результаты и дискуссия

Биография во многих поэтических текстах Яниса Грантса сюжетизируется, локализуется и вписывается в поэтический текст:

Владивосток. Родился. Кажется,
в 1968 году. Могу ошибаться.
Киров. Отвезли в бессознательном возрасте.
Челябинск. Несколько лет.
Пробел в памяти, вмещающий и города и годы.
Киев. Четыре года жизни. Попытка
учиться на связиста в военном училище
и на историка в университете.
Североморск. Служба на флоте.
Мурманск. Работа на буксире.
Архангельск. Отвезли в бессознательном
состоянии, два года мыкался,
занимаясь черт-те чем.

Челябинск. См. Архангельск [10, с. 87].

Лирический герой, соотносимый с автором через биографический миф, находится в состоянии отсутствия, сравнимого с мифологическим состоянием хаоса. Внутренний микрокосм героя экстенсифицируется и вмещает в себя «города и годы» – это явный маркер мифа (по В. Н. Топорову), в котором и время, и пространство специализированы. Бессмысленное блуждание героя по пространству страны соотносится с потерей памяти, забвением, что в мифопоэтической традиции связано, в первую очередь, со смертью, внебытийственностью, но также может являться показателем перевоплощения, перерождения. Проходя через города и годы, как круги ада, выполняя бессмысленную работу и ведя бессознательную жизнь, герой находит свое пристанище в пространстве Челябинска («Люблю город. В городе – улицу Сони Кривой» [10, с. 88]), перерождается или «возвращается к истокам» (М. Элиаде). Показательно то, что именно этим поэтическим текстом, текстом «А.» (семантика названия текста связывается с началом пути: из пункта А в пункт Б) открывается книга «Мужчина репродуктивного возраста», которая в полной мере демонстрирует автобиографический миф Яниса Грантса. Текст «А.» служит эпиграфом, с помощью которого автор устанавливает связь с читателем и предлагает способ восприятия лирического героя книги как мифологизированного автора-творца.

Автобиографический миф Яниса Грантса предполагает тесную связь между «творческим хронотопом» (понятие введено в литературоведение М. М. Бахтиным) и хронотопом внутреннего мира автора. Под творческим хронотопом понимается взаимосвязь пространства и времени, которая возникает в процессе творчества. Пространственно-временная организация творческого хронотопа опирается на взаимодействие систем «автор-произведение», «автор-читатели». В «Мужчине репродуктивного возраста» творческий хронотоп охватывает всю пространственно-временную организацию книги стихов через постулирование авторской сущности и присутствие образа автора-творца в ткани повествования.

<...>ну, завираешь,
сказал бы я автору,
если б сам не написал
это неподобрьсловочто [10, с. 104].

я вышел на связь
и стал писать «100 фактов».
что за связь, я расскажу потом [10, с. 105].

Присутствие автора внутри произведения является приемом игры с читателем, которая заключается, во-первых, в рецепции авторского присутствия, во-вторых, в выявлении истинности или ложности историй из жизни автора. Игра заключается в постоянном запутывании читателя и превращает адресата поэтического текста из субъекта восприятия в объект, втягивает его в поэтический текст:

мама отвела меня за ручку к репетиторше (правда);
на виолончель (неправда);
на скрипку (неправда);
репетиторша сделала из меня мужчину (неправда);
я сделал из репетиторши женщину (правда);

как-так! семилетний пацан? (раскусили, неправда);
маму я больше не видел, она сбежала (правда);
с английским лордом (неправда);
со швейцарским сыроваром (неправда);
с цирком-шапито (правда);
бабушка назвала меня за глаза подарочек чтоб он сдох (правда);
меня хватило на три занятия с репетиторшей (неправда);
на два (правда);
жаль, очень-очень-очень талантливый мальчик (неправда);
конечно, что-то из него можно было бы состряпать,
но – пальцы, слишком уж грубые пальцы (правда),
а сейчас начинается самое интересное (неправда);
конец (правда) [10, с. 71].

Автобиографический миф, как отмечает А. В. Штраус в своем диссертационном исследовании «Проблема лирического героя в современной поэзии: новые тенденции 1990–2000-х годов», связан с «...четкой локализацией героя в определенном месте: автор и герой не случайно живут в одном городе, крае и т. д. Этим совпадением места в значительной мере определяется объем воспринимаемого читателем художественного мира» [11, с. 88]. Проводя исследование современной региональной (в частности, уральской) поэзии, А. В. Штраус приходит к интересному выводу о том, что в связи с социокультурным кризисом, произошедшим вследствие распада СССР, в региональной поэзии пробудилось понимание своего места рождения как сакрального, «...пробудились древние представления о городе как целостном микрокосме» [11, с. 86]. Актуализируя в своем поэтическом творчестве автобиографические мифы, «...авторы переживают свое рождение в определенном времени-месте как явление не случайное, напрямую связанное с собственным творчеством и с бытием порождаемого героя» [11, с. 88].

Описываемые автором события, ситуации, в которые попадает его лирический герой (мифическое alter-ego автора), разворачиваются в пространстве Челябинска. Основополагающими становятся *топографические характеристики города*:
<...>куда: городе Че
кому: Гранцу (так и написано – через «ц») [10, с. 99].

на углу Руставелли-Гагарина
было встретиться уговорено [10, с. 120].

<...>быть в пиццерии «помидор» 25 июня в 16:00. заказать томатный сок. ждать. к вам подойдут [10, с. 129].

Город становится *сакральным центром*, единственно возможным местом жизни, несмотря на все его недостатки, как например, в поэтическом тексте «Розмарин»:

С подоконника черно-черного,
как последний солдат, один,
там глядится в стекло копченое
розмарин.
он – циррозник – желтеет листьями,
знать не зная о палаче...
Ненавидим ты и единственен,
город Че [12].

Город персонифицируется, изображается как ядовитое *хтоническое чудовище*, отравляющее все живое:

Там расписаны окна сажею.
там без повода горько пьют.
там цветы по горшкам рассажены –
и гниют [12].

Челябинские заводские трубы, давно уже ставшие символом города, сакрализуются в поэтическом

тексте Яниса Грантса и становятся сопоставимыми с петербургскими шпилями («трубы в небо уперлись») и московскими крестами («и под каждой трубой по родине») с той лишь разницей, что служат не для «...ретрансляции природно-космического, надмирного в сферу духовного» [6, с. 101], а для выражения смертного пространства поглощения жизни:

Трубы в небо уперлись жерлами.
трубы выстроились в каре.
и над каждой трубой, наверное,
по дыре [15].

И под каждой трубой – по родине
для потомственных заводчан.
сны бесцветные колобродят там
по ночам [15].

Автобиографический челябинский миф Яниса Грантса связан с *пространством воспоминаний* лирического героя о детстве:

верблюд по кругу мчится,
на Пушкина глядит.
а Пушкин – он из бронзы
(на тумбе голова,
в глазах торчит по дырке).
а я верхом сию.
смотрю на все на свете.
так папа захотел.

круг. другой. на всех парах.
меж двумя утесами.
и – предчувствие.
и – страх:
заманили.
бросили [13, с. 92].

Мифологема карусели выражает восприятие окружающего мира лирического субъекта как бешено вращающегося и всегда возвращающегося к истокам. Катание на карусели сродни архаичному механизму инициации – приобщение неопита к таинствам жизни наставниками («смотрю на все на свете. / так папа захотел»). Прохождение ритуала открывает лирическому герою некие тайны мироздания, расширяет его сознание (и – предчувствие. / и – страх: / заманили. / бросили). Мифологема вечного возвращения связывается как с эзотерическим перерождением – возвращением в жизнь в ином образе, – так и с неким предчувствием закольцованности жизни, вечного возвращения в одно и то же пространство, а именно пространство Челябинска. Действие поэтического текста разворачивается, как заявлено в названии поэтического текста («катание на верблюде в Горсаду имени Пушкина по случаю моего шестилетия»), в Городском саду имени Пушкина, что подчеркивает *топоним памятника Пушкину* и *образ верблюда*, являющегося символом Челябинска. Через мифологема вечного возвращения происходит сакрализация пространства *Челябинска как потерянного рая*.

Специфика мировосприятия лирического субъекта в поэзии Я. Грантса обусловлена включением мотива опьянения. Этот мотив генетически связан с мифом, поскольку восходит к древним ритуалам обращения к высшим силам через причащение – опьянение. Для лирического субъекта Я. Грантса – поэта, который выступает прототипом жреца, опьянение дает возможность говорить с высшими силами, связываться с ними (вся поэма «Связь» посвящена этой

теме), воплощать их волю, доносить до обычных людей истину в форме поэтических текстов:

Арешин спрашивает:
ты что, пьяным пишешь стихи?
я говорю:
конечно, а как иначе.
иначе я не могу выйти с ним на связь.
с кем, спрашивает Арешин.
с ним, ну, который диктует,
с Господом с нашим Богом, говорю я [10, с. 107].

Выход за грани реальности и экстаз от приобщения к таинству связан с ритуальным принесением жертвы, с «шаманской болезнью» – духовной трансформацией, ломкой личности, психическими страданиями. М. Элиаде пишет, что «...инициационная болезнь шамана связана с изоляцией кандидата и переживанием им глубокого кризиса» [14, с. 113]. Подобный процесс происходит во многих текстах Яниса Грантса:
но вот закрывается вечер
и пьется бутылка чернил
я вусмерть стихами залечен
но вот
но опять
сочинил [10, с. 12].

Преодоление болезни связано с очищением, возрождением поэта в качестве посвященного в таинства поэта-шамана. Так, в поэтическом тексте «Дым» описание сжигания листьев тополей восходит к «ритуалам с огнем» [15, с. 203], в котором предают пламени прошлое шамана и восстанавливают его связь с духами:
я вышел из починки. жгут костры
из листьев тополей на Руставелли [10, с. 6].

Тополь в поэтических текстах автора зачастую предстает как мифологема мирового дерева или аналог шаманского ритуального дерева, олицетворяющего связь мира духов и земного мира, и структурирует вокруг себя ритуальное пространство. Так, в поэтическом тексте «Человек-тополь» происходит превращение поэта из человека обычного в человека, посвященного в таинства через его слияние с миром духов (в образе тополя):

Не просыпаясь, чувствовать, что слеп,
Что веки заковал тяжелый снег,
Что ноги дали корни, проросли,
Что в венах – вместо крови – сок земли,
Что нет волос – есть корона. Что кора
Сменила кожу. Что галдит с утра
На ветках – на ладонях – стая птиц <...> [10, с. 136].

Выводы

При анализе поэтического творчества Яниса Грантса важно понимать, что лирический герой (или даже герои) автора – множество масок, отражающих вариативность и изменчивость автобиографического мифа автора. Для создания набора масок, сюжетов, вписывающихся в миф об авторе, поэт использует такие приемы, как исповедальность, псевдобιοграфизм, самоиронии.

Маргинальность, инаковость лирического героя («отвезли в бессознательном состоянии», «занимался черт-те чем»), его локальная ориентированность («ты ходишь в ледовый на “Трактор”», «в городе Че пробки»), поэтика дворов, окраин («на “станкомаше” выходит, шурша») актуализируются в творчестве автора и соотносятся с образами и мифологией жизни

других авторов региона (В. Кальпиди, Б. Рыжего, Т. Трофимова, А. Самойлова).

Жизнетворческие интенции Яниса Грантса, в первую очередь связанные с игровой мифологизацией своего прошлого (позиционирование себя как латыша, его комментарии по поводу смены настоящего имени в паспорте на творческий псевдоним) и двойничским литературным поведением, во многом перекликаются с традицией ОБЭРИУтов, в частности с творчеством Даниила Хармса. Прямым доказательством внимательного прочтения Хармса и следования его поэтической традиции являются множественные отсылки в поэтических текстах Яниса Грантса к творчеству Хармса, которые можно найти не только в мотивах, образах, поэтике, абсурдистских приемах, но и в эпиграфах, например, в стихотворении «Кошка»: «Несчастливая кошка порезала лапу...». В стихотворении «Дома» поэт создает аллюзию на стихотворение Хармса «Шарики-сударики» последней строчкой «а люди тоже шелестят».

Локальный челябинский миф в поэзии Яниса Грантса, с одной стороны, тесно связан с авторским «я» и геобиографиями его современников-земляков, с другой стороны, с хронотопом города, ставшего для поэта родным, сакральным. Характерной чертой Яниса Грантса, сближающей его с другими современными челябинскими поэтами (А. Самойловым, В. Кальпиди), является изображение Челябинска как сакрального центра жизни. В то же время через абсурдистские приемы и эстетику Янис Грантс демонстрирует двойственную и противоречивую природу локуса, внебытийственность и хаос челябинского пространства.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-20162).

Литература

1. Гаврилов, С. Интервью с Янисом Грантсом / С. Гаврилов // SLO-VO.ru. – URL: <http://slo-vo.ru/kultura/yanis-grants-ya-hochu-pisat-o-golyh-chuvstvah>.
2. Крохин, А. Седьмой акробат летучего цирка / А. Крохин // Челябинск Сегодня. – URL: <http://m.cheltdod>

ay.ru/articles/podrobnosti/sedмой_akrobat_letuchego_tsirka.

3. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. – М. : Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.

4. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М. : Восточная литература, 2000. – 407 с.

5. Замятин, Д. Н. Локальные мифы: модерн и географическое воображение / Д. Н. Замятин // Обсерватория культуры. – 2009. – № 1. – С. 13–26.

6. Топоров, В. Н. Петербургский текст русской литературы : избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб. : Искусство СПб, 2003. – 616 с.

7. Замятин, Д. Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства / Д. Н. Замятин. – М. : Аграф, 2004. – 512 с.

8. Блажес, В. В. Черты башкирской мифологии X века (по материалам Ибн-Фад-лана) / В. В. Блажес // «Урал-батыр» и духовное наследие народов мира : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Уфа, 2010. – Ч. 1. – С. 17–20.

9. Созина, Е. К. «Екатеринбургский текст» Натальи Смирновой / Е. К. Созина // Урал. – 2005. – № 4. – URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/4/soz16.html> (дата обращения: 09.10.2017).

10. Грантс, Я. И. Бумень. Кажницы. Номага : стихи / Я. И. Грантс. – Челябинск : Изд-во Марины Волковой, 2012. – 160 с.

11. Штраус, А. В. Проблема лирического героя в современной поэзии: новые тенденции 1990-х – 2000-х годов : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Штраус. – Пермь, 2009. – 132 с.

12. Грантс, Я. И. Стихи / Я. И. Грантс // Журнальный зал Русского Журнала : Волга – XXI век. – URL: <http://magazines.russ.ru/volga21/2008/3/gra10.html>.

13. Грантс, Я. И. Стихи / Я. И. Грантс // Нева. – 2017. – С. 91–93.

14. Элиаде, М. Аспекты Мифа / М. Элиаде ; пер. с франц. В. П. Большаков. – М. : Академический Проект, 2000. – 222 с.

15. Элиаде, М. Космос и история : избранные работы / М. Элиаде. – М. : Прогресс, 1988. – 678 с.

Смышляев Евгений Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), e-mail: smyshliaeva@susu.ru. ORCID 0000-0002-4848-4986

Поступила в редакцию 15 марта 2022 г.

DOI: 10.14529/ssh220213

MYTHOLOGIZATION OF CHELYABINSK IN JANIS GRANTS'S POETRY

E. A. Smyshlyayev

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

This article discusses the main ways of mythologizing Chelyabinsk in the poetry of the modern South Ural author Janis Grants. The comprehension of spatial structures in the poetry of J. Grants is closely

connected with local myth and autobiographical myth. The purpose of spatial mythologization is the comprehension of the locus, its «settlement» and sacralization. The local Chelyabinsk myth in the poetry of Janis Grants is closely connected with the author's identity and the geobiographies of his fellow countrymen. The author often uses the figures of real modern Ural poets (S. Areshin, D. Masharygin, E. Obolikshta, etc.) as lyrical subjects, thereby deepening the structure of the myth in his works, making them more realistic, playing with the authenticity of the statement. The life-creating intentions of Janis Grants, expressed in the playful mythologization of his past and the twin literary behavior, largely correlate with the tradition of the Oberiuts. The appeal of Janis Grants to absurdity is an important feature of the author's poetics. The use of absurdist techniques and methods of constructing the text serves as the basis for the mythologization of Chelyabinsk and the image of the city as unreal, absurd. With the help of absurdist techniques and aesthetics, Janis Grants demonstrates the dual and contradictory nature of the locus, the non-existence and chaos of the Chelyabinsk space.

Keywords: local myth, mythologization of space, regional poetry, modern Ural poetry, mythologeme, autobiographical myth.

References

1. Gavrillov S. Interv'yu s Yanisom Grantsom [Interview with Janis Grants]. URL: <http://slovo.ru/kultura/yanis-grants-ya-hochu-pisat-o-golyh-chuvstvakh> (data obrashcheniya: 20.11.2016).
2. Krokhin A. Sed'moy akrobat letuchego tsirka [The Seventh Acrobat of the Flying Circus] // *Setevoe izdanie «Chelyabinsk Segodnya»*. URL: http://m.cheltoday.ru/articles/podrobnosti/sedmoy_akrobat_letuchego_tsirka.
3. Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetic]. M.: Progress – Kul'tura, 1995. 624 s.
4. Meletinskiy E.M. Poetika mifa [Poetics of Myth]. M.: Eastern Literature RAN, 2000. 407 s.
5. Zamyatin D.N. Lokal'nye mify: modern i geograficheskoe voobrazhenie [Local Myths: Art Nouveau and Geographical Imagination] // *Observatoriya kul'tury*. 2009. № 1. S. 13–26.
6. Toporov V.N. Peterburgskiy tekst russkoy literatury [Petersburg Text of Russian Literature]: izbrannye Trudy. St. Petersburg: Arts SPb, 2003. 616 s.
7. Zamyatin D.N. Metageografiya: prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva [Metageography: Space of Images and Images of Space]. M.: Agraf, 2004. 512 s.
8. Blazhes V.V. Cherty bashkirskoy mifologii X veka (po materialam Ibn-Fadlana) [Features of the Bashkir Mythology of the 10th Century (Based on the Materials of Ibn-Fadlan)] // *«Ural-batyr» i dukhovnoe nasledie narodov mira: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*. Ufa, 2010. № 1. S. 17–20.
9. Sozina E.K. «Ekaterinburgskiy tekst» Natal'i Smirnovoy [«Yekaterinburg Text» by Natalia Smirnova] // *Ural*. 2005. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2005/4/soz16.html> (data obrashcheniya: 09.10. 2017).
10. Grants Y.I. Bumen'. Kazhnitsy. Nomaga [Boomen. Treasury. Nomaga]: stikhi. Chelyabinsk: Publishing by Mariny Volkovoy, 2012. 160 s.
11. Shtraus A.V. Problema liricheskogo geroya v sovremennoy poezii: novye tendentsii 1990-kh – 2000-kh godov [The Problem of the Lyrical Hero in Contemporary Poetry: New Trends in the 1990s-2000s]: dis. ... kand. filol. nauk. Perm', 2009. 132 s.
12. Grants Y.I. Stikhi [Poems] // *Zhurnal'nyy zal Russkogo Zhurnala: Volga – XXI vek.*. URL: <http://magazines.russ.ru/volga21/2008/3/gra10.html> (data obrashcheniya: 02.03.2017).
13. Grants Y.I. Stikhi [Poems] // *Neva*. 2017. S. 91–93.
14. Eliade M. Aspekty Mifa [Aspects of Myth]; per. s frants. V.P. Bol'shakov. M.: Academic project, 2000. 222 s.
15. Eliade M. Kosmos i istoriya: izbrannye raboty [Space and History: Selected Works]. M.: Progress, 1988. 678 s.

Evgeny A. Smyshlyayev – Cand. Sc. (Philology), Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: smyshliaeva@susu.ru

Received March 15, 2022

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Смышляев, Е. А. Мифологизация Челябинска в поэзии Яниса Грантса / Е. А. Смышляев // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 96–101. DOI: 10.14529/ssh220213

FOR CITATION

Smyshlyayev E. A. Mythologization of Chelyabinsk in the Janis Grants's Poetry. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 96–101. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh220213